

КРИНЖ МОЕЙ ЖИЗНИ:

как я влюбилась в идеального
мужчину и познакомилась с его мамой

Автор: Кира Си

Кира Си

**КРИНЖ МОЕЙ ЖИЗНИ: как я
влюбилась в идеального мужчину
и познакомилась с его мамой**

«Автор»

2026

Си К.

КРИНЖ МОЕЙ ЖИЗНИ: как я влюбилась в идеального мужчину и познакомилась с его мамой / К. Си — «Автор», 2026

После красивого начала Лера думает, что встретила идеального мужчину. Но очень скоро в её жизнь вместе с любимым входят его мама с ключами от квартиры, друзья без границ, семейные правила без права голоса и бесконечные требования быть удобной, тихой и своей. То, что должно было стать любовью, постепенно превращается в абсурдный, болезненно узнаваемый аттракцион бытового контроля. Этот роман — острый, смешной и горький одновременно рассказ о том, как легко перепутать заботу с контролем, семью — с захватом территории, а любовь — с кринжем, у которого просто хорошая подача в начале. История Леры — о постепенном пробуждении, о женских границах, о праве уйти без истерики и чувства вины и о том, что иногда спасение начинается с очень простой мысли: если рядом с человеком ты всё время исчезаешь — это не любовь. Для всех, кто хотя бы раз терпел ради отношений, оправдывал чужую грубость и однажды выбрал себя.

© Си К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кира Си

КРИНЖ МОЕЙ ЖИЗНИ: как я влюбилась в идеального мужчину и познакомилась с его мамой

Глава 1

«Он был идеален, и это должно было меня насторожить»

В тот день дождь шёл так, будто небо узнало обо всех моих жизненных решениях и решило:

— Девочка, тебе надо остыть.

Я стояла на остановке, мокрая, злая и немного похожая на забытый пакет с укропом. Волосы прилипли к щекам, тушь решила начать новую жизнь отдельно от ресниц, а белые кроссовки, которые утром казались отличной идеей, теперь выглядели так, будто прошли войну, развод и ипотеку.

Автобус, конечно, не ехал.

Потому что автобусы чувствуют, когда ты опаздываешь, и специально превращаются в легенду.

Я проверила телефон — 18:47. Зарядки оставалось 9%. Настроения — минус 300. В сумке лежал банан, который я взяла на перекус, но он уже превратился в биологическое оружие. И в этот момент я подумала:

Ну всё. Вот она, моя взрослая жизнь. Мокрая остановка, мёртвый телефон и банан с характером.

И тут рядом со мной появился он.

Не подошёл — именно появился. Как в плохих романтических фильмах, где мужчина возникает из дождя с лицом человека, у которого никогда не бывало проблем с налоговой.

Высокий. В тёмном пальто. С аккуратной щетиной. С зонтом.

Не просто с зонтом — с большим чёрным зонтом, под которым можно было спрятать не только меня, но и все мои комплексы, кредиты и неудачные переписки с бывшими.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

Не мерзко. Не самодовольно. Не как мужчина, который сейчас скажет: Девушка, а вашей маме зять не нужен?

Нет.

Он улыбнулся так, будто всю жизнь репетировал эту сцену перед зеркалом, а потом наконец дождался дождя, остановки и меня — в состоянии мокрой катастрофы.

— Вы промокли, — сказал он.

Гениальное наблюдение. Шерлок Холмс в пальто.

Я хотела ответить что-то вроде:

— Нет, я просто решила стать аквариумом.

Но вместо этого выдала:

— Немного.

Немного — это когда капля попала на рукав.

А я выглядела так, будто меня поливали из пожарного шланга за грехи всех женщин моего рода.

Он чуть наклонил зонт в мою сторону.

— Встаньте ближе. А то заболеее.

Вот тут я должна была насторожиться. Потому что нормальный мужчина на остановке обычно делает вид, что тебя не существует, смотрит в телефон и страдает молча. А этот не только заметил, что я мокрая, но ещё и предложил место под зонтом.

Мой внутренний голос сказал:

Подозрительно.

Но мой внешний организм, который уже начал превращаться в холодец, сказал:

Иди под зонт, дура.

Я шагнула ближе.

От него пахло чем-то приятным. Не туалетной водой Я альфа-самец у метро, не сигаретами, не энергетиком, а чистой одеждой, свежестью и чем-то древесным. Так пахнут мужчины в рекламах банков, которые обещают стабильность, но потом списывают комиссию.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что. Меня, кстати, Артём зовут.

— Лера.

— Очень приятно, Лера.

Он произнёс моё имя так, будто оно было не просто имя, а пароль от тайной комнаты с шампанским и нормальной самооценкой.

Мы стояли под одним зонтом. Дождь шумел вокруг. Машины проезжали мимо, брызгая водой на бордюр. На остановке рядом с нами бабушка в прозрачном дождевике смотрела на нас с выражением лица: Ну всё, сейчас замуж выйдет.

И знаете, что самое страшное?

Я тоже так подумала.

Не прям замуж. Я не настолько безумная. Но где-то глубоко внутри моей уставшей от приложений для знакомств души тихо щёлкнуло:

А вдруг?

Артём спросил, далеко ли мне ехать. Я сказала, что до центра. Он ответил, что ему тоже. Конечно же. Потому что судьба в такие моменты работает нагло и без стыда.

Автобус так и не приехал.

Зато приехало такси, которое он вызвал.

— Поехали, подвезу, — сказал он. — Всё равно в одну сторону.

И вот тут любая здравомыслящая женщина должна была сказать:

Спасибо, я лучше подожду автобус, который, возможно, существует только в мифах.

Но я была мокрая. Уставшая. И, честно говоря, он выглядел слишком прилично, чтобы быть маньяком. Хотя, как позже показала жизнь, не все опасные мужчины прячутся в подвалах. Некоторые носят хорошее пальто, оплачивают такси и говорят: Мама переживает.

Я села в машину.

Он не пытался меня трогать. Не задавал странных вопросов. Не рассказывал, что все женщины меркантильные. Не сообщил, что он на самом деле очень сложный человек. Не спросил, сколько я зарабатываю и умею ли я готовить.

Он просто разговаривал.

Нормально. Спокойно. С интересом.

Это было настолько необычно, что я начала подозревать подвох.

— Ты всегда спасаешь женщин на остановках? — спросила я.

— Только по четвергам, — ответил он. — По средам я спасаю котят, а по пятницам — репутацию друзей после корпоративов.

Я засмеялась.

И, что особенно обидно, засмеялась искренне.

Он был смешной. Не клоунски. Не сейчас расскажу анекдот про тещу. А легко. Умно. Без попытки доказать, что он самый остроумный человек в машине.

Мы доехали до моего района. Он вышел первым, открыл мне дверь и снова накрыл зонтом.

— Можно я тебе напишу? — спросил он.

Я даже удивилась.

Не дай номер. Не ну что, красотка, спишемся. А именно: можно?

Уважение. Вежливость. Красивые руки. Большой зонт.

Комбо, против которого у меня не было иммунитета.

Я дала ему номер.

Когда я поднялась домой, сняла мокрую одежду и посмотрела в зеркало, стало ясно: если он после этого мне напишет — значит, у него либо очень богатое воображение, либо проблемы со зрением, либо судьба всё-таки существует.

Он написал через двадцать минут.

Артём:

Лера, надеюсь, ты уже дома и в сухом. Спасибо за компанию под дождём. С тобой приятно молчать и разговаривать.

Я смотрела на сообщение и улыбалась как идиотка.

С тобой приятно молчать и разговаривать.

Ну кто так пишет? Где он учился? На курсах Как стать причиной женских ошибок?

Я ответила:

Я:

Я дома. Сухая. Почти человек. Спасибо за спасение.

Он прислал смеющийся смайлик. Не десять. Не набор из огня, роз и подмигивающих лиц. Один. Умеренный. Адекватный.

Это тоже подкупало.

Следующие дни мы переписывались.

Он писал первым, но не душил сообщениями. Интересовался, как прошёл день, но не требовал отчёта в формате: где была, с кем, почему онлайн и не отвечаешь. Шутил, присылал музыку, спрашивал про книги, помнил мелочи.

Я однажды сказала, что люблю кофе с корицей, но ненавижу, когда её сыплют слишком много. Через два дня он принёс мне кофе и сказал:

— Я попросил чуть-чуть корицы. Не как снегопад, а как намёк.

Ну как тут не влюбиться?

Моя подруга Ксюша, выслушав всё это, сказала:

— Лер, будь осторожна. Мужчина, который сразу слишком хороший, может оказаться либо женатым, либо психом, либо сыном своей мамы.

Я тогда рассмеялась.

— Почему сразу сыном мамы?

Ксюша посмотрела на меня так, будто я уже стою в свадебном платье посреди горящего ЗАГСа.

— Потому что нормальные мужчины тоже любят мам, но не делают из этого религию.

Я отмахнулась.

Мне казалось, она просто драматизирует. Ксюша вообще любила видеть красные флаги там, где другие видели шарфики.

Артём пригласил меня на свидание в маленькое итальянское кафе. Не пафосное, не с меню на языке, который даже официант произносит с болью, а уютное: свечи, паста, тихая музыка, официанты без выражения вы нам мешают.

Он пришёл вовремя.

С цветами.

Не с огромным венком роз, после которого чувствуешь себя виноватой и обязанной родить ему сына, а с небольшим букетом полевых цветов.

— Не знаю, какие ты любишь, — сказал он. — Поэтому взял те, которые не выглядят агрессивно.

Я снова засмеялась.

Мы говорили три часа.

Обо всём.

О детстве, работе, фильмах, путешествиях, страхах. Он слушал. Реально слушал. Не ждал своей очереди говорить. Не перебивал. Не превращал каждую мою историю в свою.

Когда я рассказывала, как однажды на работе случайно отправила начальнику сообщение он опять орёт как чайник, а потом поняла, что отправила это самому начальнику, Артём смеялся так, что у него выступили слёзы.

— И что он? — спросил он.

— Ответил: Чайник понял. Зайдите.

Артём закрыл лицо руками и сказал:

— Всё. Я официально восхищён твоей выживаемостью.

Мне было легко.

И вот это было самое опасное.

Потому что когда рядом с человеком легко, ты начинаешь расслабляться. А когда расслабляешься — перестаёшь замечать, как из кустов медленно выползает кринж.

На втором свидании он повёл меня в парк. Было тепло, пахло липой и сахарной ватой. Мы ели мороженое, которое таяло быстрее, чем мои сомнения.

Он рассказал, что работает архитектором. Что любит порядок. Что у него есть младшая сестра. Что он не пьёт почти совсем. Что не любит клубы. Что мечтает о доме за городом.

— С камином? — спросила я.

— Обязательно. И с большой кухней.

— Ты готовишь?

— Да. Но редко.

— Почему?

Он улыбнулся.

— Потому что мама готовит лучше всех.

Тогда это прозвучало мило.

Правда.

Ну любит человек мамину еду. Что в этом такого? У всех есть мама. У многих мамы готовят. У некоторых даже вкусно. Я не увидела в этой фразе ничего страшного.

Если бы в тот момент над нами включилась сирена и голос из неба сказал:

Внимание! Красный флаг! Повторяю: красный флаг!

Я бы, наверное, решила, что это городская система оповещения сошла с ума.

На третье свидание он пригласил меня в ресторан на крыше.

Я долго выбирала платье. Слишком долго. Настолько долго, что в какой-то момент моя кошка села на кровать и посмотрела на меня с явным осуждением:

Женщина, ты уже примеряла это. Три раза.

Я хотела выглядеть красивой, но не так, будто старалась. Нежной, но не слабой. Элегантной, но не я пришла на собеседование в жёны.

В итоге выбрала чёрное платье, в котором чувствовала себя человеком, у которого всё под контролем. Спойлер: ничего под контролем не было.

Артём встретил меня у входа. В белой рубашке, с лёгкой улыбкой, с тем самым взглядом, от которого мозг начинал паковать чемоданы и уезжать в отпуск.

— Ты невероятно выглядишь, — сказал он.

Я хотела ответить спокойно: Спасибо.

Но внутри меня маленькая я уже бегала кругами и кричала:

Он сказал невероятно! Не просто красиво! Невероятно!

Мы сидели у окна. Город светился внизу. На столе стояли бокалы, тарелки и моя уверенность, что жизнь наконец решила дать мне премию за страдания.

Он рассказывал о проекте, над которым работал. Я рассказывала о своей работе. Мы спорили, какой фильм хуже — плохой ужас или плохая комедия. Он сказал, что плохая комедия страшнее, потому что от неё невозможно защититься.

Я сказала:

— Значит, мои прошлые отношения были плохой комедией.

Он улыбнулся.

— Надеюсь, я буду другим жанром.

И вот тут я почти поплыла.

Почти.

Потому что потом он положил вилку, посмотрел на меня очень серьёзно и сказал:

— Лер, я хочу сразу честно кое-что сказать.

У меня внутри всё сжалось.

Вот оно.

Женат.

Дети.

Кредит на бывшую.

Секта.

Коллекция волос.

Тайная страсть к шансону.

Что угодно.

Я медленно отпила воды.

— Говори.

Он немного смутился.

— Я просто очень семейный человек.

Я выдохнула.

— Это хорошо.

— Для меня семья — это главное. Прямо главное-главное. Я считаю, что если люди встречаются серьёзно, они должны уважать семьи друг друга. Быть ближе. Понимать традиции.

— Звучит нормально, — сказала я.

И это действительно звучало нормально.

До следующей фразы.

Он улыбнулся мягко, почти нежно, и произнёс:

— Мама — мой лучший друг.

Я кивнула.

Даже улыбнулась.

Потому что тогда я ещё не знала, что эта фраза — не про тёплые отношения. Не про заботу. Не про я люблю маму и навещаю её по воскресеньям.

Нет.

Это была не фраза.

Это был трейлер.

Краткий анонс многосерийного психологического сериала, где в главных ролях: я, Артём, его мама и чувство вины, которое передавалось в их семье по наследству вместе с сервизом.

Но в тот момент я сидела в красивом ресторане, смотрела на красивого мужчину и думала:

Какой хороший. Семейный. Надёжный.

Господи, какая же я была наивная.

Сейчас, вспоминая этот вечер, я понимаю: судьба дала мне знак. Огромный. Не красный флаг даже, а красное покрывало размером с футбольное поле. Оно развевалось перед моим лицом, било меня по щекам и кричало:

Беги, Лера!

Но я, конечно, решила, что это романтика.

Артём взял меня за руку.

— Я думаю, ты ей понравишься, — сказал он.

— Кому?

Он удивился, будто ответ был очевиден.

— Маме.

Я засмеялась.

— Мы же только третье свидание.

— Да, но я ей уже рассказал о тебе.

Моя улыбка чуть застыла.

— Уже?

— Конечно. Мы с ней всем делимся.

Внутри меня что-то тихонько скрипнуло. Маленькая дверца здравого смысла попыталась открыться.

— Прямо всем? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Ну, почти. Она переживает за меня. Я у неё один сын.

— А сестра?

— Сестра — это другое.

Я не уточнила, что именно другое.

И зря.

Он продолжал:

— Мама сказала, что по голосовым я звучу счастливее. Она сразу поняла, что появилась девушка.

— По голосовым?

— Ну да. Я ей иногда пересылаю свои мысли. Чтобы не забыть.

Я замолчала.

Потому что не знала, как правильно реагировать на мужчину, который пересылает маме свои мысли. Вроде бы это не преступление. Но звучит так, будто где-то в его телефоне есть папка Мама: ежедневный отчёт.

Он заметил мою паузу и улыбнулся.

— Не пугайся. Она классная. Просто немного вовлечённая.

Слово вовлечённая тоже надо было записать. Большими буквами. В блокнот. Под заголовком:

Слова, после которых жизнь превращается в дурдом.

Но я снова всё смягчила.

Потому что когда тебе нравится человек, ты становишься адвокатом его странностей.

Он не маменькин сынок — он семейный.

Он не контролирует — он заботится.

Он не странный — он глубокий.

Он не тревожный звонок — он просто колокольчик на счастье.

Так я думала тогда.

После ресторана он проводил меня до дома. Ночь была тёплой, асфальт блестел после дождя, город шумел спокойно, будто ничего ужасного в мире не происходит.

У подъезда он остановился.

— Я хорошо провёл вечер, — сказал он.

— Я тоже.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Можно я тебя обниму?

Я кивнула.

Он обнял меня бережно. Не слишком крепко, не собственнически, не как мужчина, который уже мысленно перевёз ко мне свои носки. Просто тепло. Красиво. Почти идеально.

Именно это почти я тогда не услышала.

Когда я поднялась домой, мне пришло сообщение.

Артём:

Ты маме понравилась по описанию.
Я села на кровать в пальто.
Прочитала ещё раз.
Понравилась по описанию.
Мне стало смешно.
Немного странно, но смешно.
Я ответила:
Я:

Надеюсь, описание было без фото из паспорта и медицинской карты.
Он прислал:
Артём:

Ахаха. Нет, пока только основные данные.
Я решила, что это шутка.
Понимаете?

Я. Решила. Что. Это. Шутка.
Иногда мне хочется вернуться в тот вечер, взять себя за плечи, хорошенько встряхнуть и сказать:

Лера, девочка моя, если мужчина на третьем свидании говорит, что мама — его лучший друг, а потом пишет, что ты понравилась ей по описанию, не надо улыбаться. Надо менять имя, город и, возможно, планету.

Но тогда я просто легла спать счастливая.
С телефоном в руке.

С улыбкой на лице.

С мыслью, что, возможно, я наконец встретила хорошего мужчину.
А где-то в другом конце города женщина, которую я ещё не знала, уже, наверное, пила чай из чашки Лучшая мама на свете и задавала сыну вопросы обо мне.
Какой у меня рост.

Какая работа.

Какая семья.

Умею ли я готовить.

Почему в тридцать лет не замужем.

И самое главное — достаточно ли я хороша для её мальчика.
Но я об этом не знала.
Я думала, что началась любовь.
На самом деле начался кринж.

Глава 2

«Первый кринж был маленьким, как таракан. Но такой же живучий»

После третьего свидания я проснулась с ощущением, что жизнь наконец перестала быть сериалом на минималках.

Солнце светило слишком красиво, кофе получился без горечи, кошка не пыталась уронить мою кружку со стола, а в зеркале я увидела не уставшую женщину с вопросами к судьбе, а почти героиню романтической комедии.

Почти — потому что героини романтических комедий обычно просыпаются с идеальной укладкой, а я проснулась с волосами, похожими на последствия драки двух голубей.

На телефоне было сообщение от Артёма.

Артём:

Доброе утро, Лера. Надеюсь, ты выпалась. Вчера был чудесный вечер.

Я улыбнулась так, будто мне не тридцать, а шестнадцать, и мне впервые написал мальчик, который нравится.

Я:

Доброе. Да, вечер был хороший.

Я хотела написать очень хороший, но решила не показывать, что внутри меня уже бегают маленькая свадебная организаторша с папкой возможные варианты фамилии.

Он ответил почти сразу.

Артём:

Хочу увидеть тебя снова. Сегодня вечером свободна?

Я посмотрела на календарь. Сегодня вечером я планировала лежать, есть сыр прямо из упаковки и делать вид, что выбираю новый сериал, хотя на самом деле просто листала бы меню доставки.

То есть была абсолютно свободна.

Я:

Да, свободна.

Артём:

Тогда кафе? Я знаю одно место. Там спокойно и хороший чай.

Хороший чай. Спокойное место. Мужчина, который сам предлагает встречу и не пишет го гулять.

Я начала подозревать, что он был создан в лаборатории женщинами, которые устали от свиданий с мужчинами в спортивных штанах и с фразой я не люблю обязательства.

Я согласилась.

Весь день я чувствовала себя странно счастливой. Не так, как в кино, где героиня танцует по квартире в рубашке мужчины. Нет. Я просто ловила себя на том, что улыбаюсь телефону, проверяю сообщения и выбираю помаду дольше, чем обычно.

Ксюша, моя подруга и по совместительству личная система пожарной безопасности, позвонила мне в обед.

— Ну что, зонтичный принц пишет?

— Пишет.

— Уже признался, что у него есть жена, трое детей и бизнес по продаже энергетических браслетов?

— Нет.

— Подозрительно.

— Ксюша.

— Что? Я просто переживаю. Мужик слишком нормальный — это как скидка 90% на дорогие сапоги. Либо повезло, либо где-то порвано.

— Пока ничего не порвано.

— Ты просто ещё не проверила подкладку.

Я закатила глаза, хотя она меня не видела.

— Мы сегодня идём в кафе.

— Отлично. Смотри, как он общается с персоналом.

— Почему?

— Потому что с тобой он сейчас будет принцем. А вот с официантом — настоящим человеком.

Я фыркнула.

— Ты слишком много знаешь.

— Это не знания, это шрамы.

После работы я приехала домой, переоделась три раза, в итоге выбрала джинсы, блузку и выражение лица я спокойна, взрослая и вообще не волнуюсь. Получилось плохо, потому что волновалась я так, будто иду не на свидание, а сдавать экзамен по предмету не испортить себе жизнь.

Кафе оказалось маленьким и уютным. Не модным до боли, где в тарелку кладут один лист салата и называют это деконструкцией леса, а нормальным. Деревянные столики, мягкий свет, запах выпечки, в углу кто-то тихо играл на пианино. Или колонка делала вид, что она пианино.

Артём уже сидел у окна.

Он встал, когда увидел меня.

Встал.

Не просто поднял взгляд от телефона, не махнул рукой, не кивнул подбородком, как уличный голубь, а встал.

В этот момент моя внутренняя женщина, уставшая от я подъехал, выходи, тихо заплакала.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо.

Он помог мне снять пальто и повесил его на спинку стула. Я села и попыталась не выглядеть так, будто мне это приятно до неприличия.

Первое время всё было почти идеально.

Мы заказали чай, десерт и какие-то брускетты, которые я всегда стеснялась произносить вслух, потому что боялась случайно сказать брускетки и быть изгнанной из приличного общества.

Артём рассказывал смешную историю про своего коллегу, который перепутал презентации и вместо проекта жилого комплекса показал инвесторам фотографии своего ремонта в ванной.

— И он на полном серьёзе сказал: А вот здесь у нас предполагается зона комфорта, — смеялся Артём. — А на слайде унитаза.

Я смеялась вместе с ним.

Мне было хорошо. Легко. Даже слишком. В такие моменты женщина обычно расслабляется и думает: Ну вот, наконец-то нормальный. А судьба в это время где-то за кулисами разминает пальцы перед тем, как ударить по тарелкам.

Официант принёс нам чай.

Молодой парень, лет двадцати, с лицом человека, который уже восемь часов объясняет людям, почему раф с лавандой не лечит душевные травмы.

Он поставил чашки, сахарницу, маленькую тарелку с лимоном и салфетки.

И вот тут случилось первое.

Маленькое.

Почти незаметное.

Как таракан, который пробежал по стене. Ты вроде видела, но мозг говорит:

Нет, это тень. Не начинай.

Артём перестал улыбаться.

Он посмотрел на салфетки.

Обычные белые салфетки лежали рядом с чашкой. Не идеально ровно. Одна чуть выступала из стопки. Другая была повернута углом. Преступление века. Где-то в мире заплакал дизайнер сервировки.

Артём поднял глаза на официанта.

— Извините.

Официант остановился.

— Да?

— Вы всегда так подаёте салфетки?

Я подумала, что ослышалась.

Официант, кажется, тоже.

— В смысле?

Артём взял верхнюю салфетку двумя пальцами, как улику с места преступления.

— Они лежат неаккуратно.

Я медленно моргнула.

Официант посмотрел на салфетки, потом на Артёма, потом на меня. В его глазах было всё: усталость, непонимание и желание уйти в монастырь.

— Простите, сейчас поправлю.

Он протянул руку, но Артём чуть отодвинул салфетки.

— Дело не в том, чтобы поправить. Дело в отношении.

Вот тут моя улыбка начала умирать.

Медленно. Драматично. Как героиня в турецком сериале.

— Артём, — тихо сказала я, — всё нормально.

Он повернулся ко мне и мягко улыбнулся.

— Конечно, нормально. Я просто объясняю.

Потом снова посмотрел на официанта.

— Понимаете, когда вы подаёте человеку стол, вы создаёте атмосферу. А если салфетки выглядят так, будто их бросили после драки, это говорит о неуважении.

Официант открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я вас понял.

— Вы не обижайтесь, — сказал Артём голосом человека, который сейчас обижает. — Я просто за качество.

— Конечно.

— И ещё лимон. Он слишком близко к сахару.

Я посмотрела на лимон.

Лимон лежал рядом с сахарницей. Видимо, слишком интимно. Может быть, они уже планировали свадьбу.

Официант переставил тарелку с лимоном на два сантиметра левее.

— Так нормально?

Артём посмотрел. Подумал.

— Лучше.

Я в этот момент впервые почувствовала тот самый холодок. Не сильный. Не ужас. Просто маленькое внутреннее эээ.

Как будто где-то в моей голове включился слабый сигнал тревоги, но я сразу накрыла его подушкой.

Ну человек любит порядок, — сказала я себе.

Ну бывает, — сказала я себе.

Может, он просто устал, — сказала я себе.

Ты сама психовала, когда тебе доставку привезли без соуса, — добавила я, чтобы окончательно оправдать ситуацию.

Официант ушёл.

Артём спокойно поправил салфетки. Ровно. Идеально. Так, будто готовил их к фотосессии на обложку журнала Салфетка и власть.

Потом он повернулся ко мне и снова стал прежним. Тёплым. Внимательным. Красивым.

— О чём мы говорили?

Я несколько секунд смотрела на него.

— О ванной твоего коллеги.

— Точно.

И он продолжил рассказывать так легко, будто минуту назад не устроил человеку лекцию о моральном падении лимона.

Я пыталась вернуться в разговор. Правда пыталась. Но мой взгляд всё время падал на салфетки. Они лежали идеально ровно, и от этого мне почему-то было неуютно.

Артём заметил.

— Ты напряглась?

— Нет, — соврала я.

— Из-за официанта?

Я пожала плечами.

— Просто мне показалось, ты немного резко.

Он внимательно посмотрел на меня. Не обиделся. Не закатил глаза. Не сказал: Ну началось. Он сделал именно то, что делают опасно обаятельные мужчины: взял мою руку и сказал спокойным голосом:

— Лер, я не хотел тебя смутить. Правда. Просто есть вещи, которые я очень чувствую. Порядок, детали, атмосфера. Мне важно, чтобы всё было правильно.

— Даже салфетки?

Он улыбнулся.

— Особенно салфетки.

Я засмеялась.

Потому что он сказал это мило. Потому что держал меня за руку. Потому что у него были красивые глаза. Потому что женский мозг в стадии симпатии способен превратить сирену воздушной тревоги в романтический саксофон.

Он наклонился ближе и почти шёпотом сказал:

— Я просто перфекционист.

Вот и всё.

Одно слово — и кринж получил официальное прикрытие.

Перфекционист.

Звучит ведь прилично. Даже интеллигентно. Не контролёр. Не человек, который будет сортировать твою жизнь по папкам. А перфекционист. Почти комплимент. Как будто у него не проблема, а тонкая настройка души.

Я улыбнулась.

— Понятно.

— Правда, не злись.

— Я не злюсь.

И я действительно не злилась.

Я смеялась.

Думала: ну странность. У всех есть странности.

Я, например, разговариваю с кошкой так, будто она мой финансовый консультант. Ксюша ест пельмени только вилкой с длинными зубцами. Моя мама до сих пор хранит пакеты в пакете, а пакеты для пакетов — в отдельном пакете.

Что такого, если мужчина поправляет салфетки?

Маленькая странность.

Маленький таракан.

Кто же знал, что он не один, а просто разведчик?

Остаток вечера прошёл хорошо. Почти безупречно.

Если не считать того, что Артём один раз незаметно выровнял мою ложку. Потом вернул чашку ручкой вправо. Потом попросил официанта заменить блюдце, потому что на нём была микроцарапина.

Микроцарапину я не увидела. Возможно, её мог увидеть только он, орёл и судебный эксперт.

Но каждый раз он делал это спокойно. Без скандала. Без крика. Так интеллигентно, что даже абсурд выглядел воспитанным.

И я снова оправдывала.

Ну да, он внимателен к деталям.

Ну да, может, профессия такая — архитектор.

Ну да, зато не хамит мне.

Ну да, зато цветы дарит.

Ну да, зато не пишет бывшей.

Женщина, которой нравится мужчина, может построить оправдательный приговор из чего угодно. Даже из салфеток.

После кафе он проводил меня до такси.

— Напиши, как доедешь, хорошо? — попросил он.

— Конечно.

Это было нормально. Заботливо. Даже приятно.

Я села в машину, помахала ему рукой, и мы поехали.

В салоне пахло освежителем арктическая сосна, хотя за окном была обычная городская слякоть. Водитель слушал радио, где мужчина с голосом человека, уставшего от любви, пел про разбитое сердце и дальнюю дорогу.

Я смотрела в окно и улыбалась.

Да, салфетки.

Да, лимон.

Да, немного странно.

Но ведь никто не идеален.

Я достала телефон и написала:

Я:

Доехала до района. Через пару минут буду дома.

Ответ пришёл мгновенно.

Артём:

Хорошо. Напиши, когда зайдёшь в подъезд.

Я посмотрела на экран.

Ну ладно. Переживает.

Я:

Окей.

Через пять минут я вышла из такси, открыла зонт, потому что дождь снова начал мелко и нудно стучать по городу, и дошла до подъезда.

Сфотографировала дверь подъезда. Просто в шутку. С подписью:

Я:

Подъезд найден. Операция почти завершена.

Он ответил:

Артём:

Отлично. Теперь фото, что ты дома.

Я хмыкнула.

Милый, — подумала я.

Открыла квартиру, включила свет. Кошка вышла в коридор и посмотрела на меня так, будто я не имела права уходить без её письменного согласия.

Я сняла обувь, сфотографировала коридор и краешек кошачьей морды.

Я:

Я дома. Свидетель прилагается.

Артём:

Какая строгая свидетельница. А дверь закрыла?

Я посмотрела на дверь.

Закрыла.

Я:

Да.

Артём:

На замок?

Я снова посмотрела на дверь.

— Ну начинается, — сказала кошке.

Кошка молча осудила нас обоих.

Я:

Да, на замок.

Артём:

Пришли фото.

Я застыла с телефоном в руке.

Фото замка?

Вот здесь где-то в голове снова пискнула тревога. Уже громче.

Я перечитала сообщение.

Пришли фото.

Я представила, как фотографирую собственную дверь, чтобы взрослый мужчина убедился, что я не лежу беззащитная в квартире с открытым входом, ожидая бандитов, сквозняка и коммунальные проблемы.

Это было странно.

Но не страшно.

Пока.

Я решила, что он шутит. Или правда тревожится. Или у него был какой-то плохой опыт. Может, бывшая не закрыла дверь, и к ней вошёл сосед с вопросом про соль. Мало ли.

Я сделала фото замка и отправила.

Я:

Докладываю: крепость закрыта.

Он прислал сердечко.

Одно.

Опять умеренно.

Опять почти нормально.

Артём:

Спасибо. Так спокойнее.

Я уже собиралась положить телефон и пойти умываться, когда он написал снова.

Артём:

А газ выключен?

Я медленно повернула голову в сторону кухни.

У меня не было газа. Электрическая плита.

Я:

У меня электрическая плита.

Артём:

Тогда плита выключена?

Я посмотрела на кухню.

Плита была выключена. Я вообще не готовила сегодня. Если бы плита могла говорить, она бы сказала: Женщина, мы не общались с понедельника.

Я:

Да.

Артём:

Проверь, пожалуйста.

Я вдохнула. Выдохнула.

Пошла на кухню.

Проверила плиту.

Она была выключена. Сюрприз века.

Я:

Проверила. Выключена.

Артём:

Фото?

Я посмотрела на телефон.

Потом на плиту.

Потом снова на телефон.

Где-то внутри меня женщина с самоуважением подняла руку и сказала:

Может, не надо?

Но другая женщина, которая хотела, чтобы всё было хорошо, сказала:

Да что тебе сложно, сфоткай. Человек волнуется.

Я сфотографировала плиту.

Я:

Вот.

Артём:

Спасибо. Ты не злишь. Я просто переживаю.

Я:

Я не злюсь.

Ложь номер два за вечер.

Я не злилась, но уже начинала чувствовать себя участницей квеста Докажи, что ты не умрёшь до утра.

Я пошла в ванную, умылась, посмотрела в зеркало. Тушь слегка размазалась, но в целом я ещё была похожа на девушку после свидания, а не на человека, которого допрашивали по делу о незакрытой двери.

Телефон снова завибрировал.

Артём:

А уют?

Я замерла.

Уют.

Вот это было особенно красиво, потому что я не гладила вещи примерно с тех времён, когда верила, что после фразы нам надо поговорить действительно разговаривают.

Уют стоял в шкафу. Пыльный. Одинокий. Возможно, уже создавший свою религию.

Я:

Я не пользовалась утюгом.

Артём:

Но он выключен?

Я рассмеялась.

Сначала тихо. Потом громче.

Потому что это уже было даже не странно, а абсурдно. Мужчина, с которым я была на четвёртом свидании, проверял мой утюг, как инспектор МЧС с романтическими намерениями.

Я:

Артём, он в шкафу.

Артём:

Супер. Можешь прислать селфи с выключенным утюгом?

Я перестала смеяться.

Села на край ванны.

Перечитала сообщение.

Можешь прислать селфи с выключенным утюгом?

Вот так, наверное, и выглядит момент, когда романтика снимает маску, а под ней сидит кринж и жуёт печенье.

Селфи.

С утюгом.

Выключенным.

Я представила эту картину: я, взрослая женщина, стою ночью в ванной или прихожей, достаю из шкафа утюг, прикладываю его к лицу и улыбаюсь в камеру, как участница конкурса Мисс бытовая безопасность.

Если бы кто-то увидел это фото без контекста, он бы решил, что я продаю утюг на сайте объявлений и очень к нему привязалась.

Я написала:

Я:

Ты серьёзно?

Он ответил не сразу.

Эти тридцать секунд были очень длинными. За это время я успела придумать пять вариантов: он шутит, он не шутит, он тревожный, он контролирующий, он в детстве пережил пожар из-за утюга и теперь ищет женщину, которая будет жить по технике безопасности.

Ответ пришёл.

Артём:

Да. Мне так будет спокойнее. Пожалуйста.

Пожалуйста.

Опять это вежливое слово, которое превращало нелепое требование в просьбу.

Я встала, открыла шкаф и достала утюг.

Он был холодный, тяжёлый и выглядел так, будто его разбудили без причины.

— Прости, — сказала я ему.

Да, я извинилась перед утюгом. Потому что на тот момент утюг был самым адекватным участником ситуации.

Я включила камеру, подняла утюг рядом с лицом и сделала селфи.

На фото я выглядела как женщина, которую жизнь только что слегка ударила бытовым прибором. Утюг выглядел спокойнее меня.

Я отправила.

Я:

Утюг жив. Я тоже. Все выключены.

Он ответил почти мгновенно.

Артём:

Спасибо, моя хорошая. Теперь я спокоен. Спокойной ночи.

Моя хорошая.

Раньше эта фраза могла бы растопить меня.

Сейчас она лежала поверх селфи с утюгом, как вишенка на торте из абсурда.

Я не знала, что ответить.

Написала:

Я:

Спокойной ночи.

Потом положила телефон экраном вниз.

И долго сидела на кровати.

Кошка запрыгнула рядом, понюхала утюг, который я зачем-то принесла в спальню, и посмотрела на меня так, будто хотела сказать:

Я, конечно, ем пакетики и иногда дерусь с ковром, но даже мне кажется, что это ненормально.

— Не начинай, — сказала я ей. — Он просто переживает.

Кошка моргнула.

— Ну правда. Заботится.

Кошка зевнула.

— Да, может, немного странно. Но все странные.

Она отвернулась от меня и легла спиной.

Предательница.

Я убрала утюг обратно в шкаф, легла и открыла переписку ещё раз.

Фото двери.

Фото замка.

Фото плиты.

Селфи с утюгом.

Это уже напоминало не роман, а отчёт управляющей компании.

Я хотела написать Ксюше. Но знала, что она скажет.

Она скажет:

Лера, это не забота, это первая серия документалки про контроль.

И я не хотела это слышать.

Потому что Артём был хороший.

Он слушал меня.

Он смешил меня.

Он дарил цветы.

Он смотрел так, будто я важная.

Он просто немного тревожный. Немного перфекционист. Немного семейный.

Немного.

Как таракан.

Один маленький таракан на кухне тоже сначала кажется случайностью. Ты думаешь: Ну забежал. Бывает.

А потом ночью включаешь свет — и понимаешь, что у него там ипотека, дети и родительский чат.

Я тогда ещё не знала, что селфи с утюгом было не самым странным, что мне придётся отправить в этих отношениях.

Будут ещё скриншоты переписок для доверия.

Фото одежды чтобы не слишком открыто.

Геолокация на всякий случай.

И однажды — это случится позже — его мама попросит меня прислать фото моего холодильника, потому что по холодильнику женщины видно, готова ли она к семье.

Но тогда я лежала в темноте и убеждала себя:

Всё нормально.

Он просто заботится.

Он не такой, как бывшие.

Это даже мило.

Телефон снова мигнул.

Я взяла его.

Артём:

Прости, последний вопрос. Окно закрыто?

Я закрыла глаза.

Глубоко вдохнула.

И впервые за весь вечер произнесла вслух:

— Господи.

Кошка подняла голову.

Даже она поняла, что это только начало.

Я подошла к окну, сфотографировала его, отправила и написала:

Я:

Закрыто. Дверь закрыта. Плита выключена. Утюг выключен. Окно закрыто. Я в квартире.

Кошка свидетель. Можно мне теперь спать?

Он прислал:

Артём:

Конечно. Ты чудо.

Я смотрела на это ты чудо и не могла решить, приятно мне или хочется бросить телефон в стену.

В итоге я просто выключила звук.

Легла.

Натянула одеяло до подбородка.

И подумала, что первый кринж действительно был маленьким. Сначала — салфетки. Потом — лимон. Потом — замок. Потом — утюг. Всё вроде бы по отдельности можно объяснить.

Но вместе это уже начинало шевелиться.

А я всё ещё делала вид, что это не таракан.

Что это просто тень.

Наивная.

Очень наивная.

Потому что настоящий кринж никогда не приходит сразу с оркестром, мамой и семейным чатом.

Он сначала тихонько стучится в дверь и спрашивает:

А ты точно закрыла замок?

Глава 3

«Знакомство с мамой: собеседование на должность женщины»

Если бы мне кто-то заранее сказал, что одно из самых страшных знакомств в моей жизни произойдёт не с бандитом, не с налоговой и не с бывшей моего будущего мужчины, а с его мамой в халате цвета пыльная сирень, я бы, возможно, хотя бы морально подготовилась.

Но я не подготовилась.

Потому что, во-первых, была влюблена.

Во-вторых, всё ещё считала, что мама — мой лучший друг — это милая семейная особенность, а не диагноз с гарниром.

И в-третьих, я была уверена, что знакомство с мамой на раннем этапе — это скорее серьёзный шаг, чем ранний признак дурдома.

Как же я ошибалась.

Предложение познакомиться с мамой Артём озвучил в субботу утром.

Мы завтракали в маленькой кофейне, где официантка рисовала сердечки на капучино, а я всё ещё наивно принимала это за знак от вселенной, а не за стандарт сервиса.

Артём резал сырники так аккуратно, будто готовил их к операции, и вдруг как бы между делом сказал:

— Мама хочет с тобой познакомиться.

Я подняла глаза.

— Уже?

— Ну да.

Для него это прозвучало так же естественно, как сегодня тепло или чай остыл.

Для меня — как в понедельник у тебя собеседование в Министерстве Судьбоносных Ошибок.

— Мы же не так давно встречаемся, — сказала я осторожно.

— Именно поэтому, — спокойно ответил он. — Если между нами всё серьёзно, я не вижу смысла тянуть.

Если между нами всё серьёзно.

От этой фразы внутри меня снова всё растаяло. Потому что, давайте честно, когда мужчина не мямлит, не исчезает на три дня, не пишет я не готов к отношениям, но ты особенная, а говорит серьёзно и прямо — это действует.

Даже если потом выясняется, что серьёзность у него семейная, коллективная и с участием матери.

— А если не серьёзно? — спросила я, пытаюсь пошутить.

— Тогда мама почувствует.

Он сказал это с такой уверенностью, что я даже не сразу поняла, шутит он или говорит о женщине, которая умеет определять уровень мужских намерений по колебаниям воздуха.

— Она у тебя экстрасенс?

— Почти, — улыбнулся он. — Просто мама хорошо разбирается в людях.

Вот здесь где-то внутри меня снова шевельнулся таракан здравого смысла.

Но я, как обычно, решила, что это просто сквозняк.

— Ну хорошо, — сказала я. — Познакомимся.

Артём заметно обрадовался. Не просто как мужчина, которому приятно, что девушка делает шаг навстречу его близким. Нет. Он выглядел так, будто прошёл важный этап отбора и теперь может нести меня на следующий уровень игры.

— Тебе понравится, — сказал он. — Она очень тёплая.

Сейчас, оглядываясь назад, я бы уточнила:

Тёплая — это как батарея зимой или как суп, который забыли в машине на солнце?
Но тогда я только улыбнулась.

Весь день я думала о встрече.

Не то чтобы паниковала, но в голове крутилось слишком много вопросов. Что надеть? Что купить? Цветы? Торт? Нужно ли заранее морально приготовить себя к фразам вроде ну когда внуки? Или это у меня уже фантазия разогналась?

Ксюша, конечно, не помогла.

— Не надевай слишком нарядное, — сказала она по телефону. — А то подумает, что ты выпендриваешься.

— Спасибо, очень полезно.

— Но и слишком простое не надевай, а то скажет, что ты не старалась.

— Замечательно.

— И не приноси дешёвый торт. Это унижение.

— Ксюша.

— И дорогой не приноси. Это подкуп.

— Ксюша!

— Лер, я просто хочу, чтобы ты выжила.

Я сидела на кровати среди платьев, блузок и растущего чувства обречённости.

— Что вообще берут на первое знакомство с мамой мужчины?

— Себя, терпение и запасной выход.

— Очень смешно.

— Нет, я серьёзно. Смотри внимательно. Особенно если она начнёт задавать странные вопросы.

— Например?

Ксюша на секунду задумалась.

— Ну, например: умеешь ли ты готовить, хочешь ли детей, кто у тебя в семье главный, как ты относишься к браку, кем работали твои родители, почему ты до сих пор не замужем, и не слишком ли у тебя яркий характер.

Я молчала.

— Ты чего молчишь? — спросила она.

— Просто пытаюсь понять, мы говорим о знакомстве с мамой или о проверке на госслужбу.

— Иногда это одно и то же.

В итоге я выбрала спокойное платье длиной до колена, которое говорило: Я милая, приличная и не пришла уводить вашего сына в секту. Купила хороший пирог в кондитерской, потому что торт показался мне слишком торжественным, а вино — слишком рискованным. Вдруг мама не пьёт. Вдруг пьёт, но потом будет говорить, что я спаиваю её мальчика. С матерями лучше не угадывать.

Артём заехал за мной вечером.

Он был в прекрасном настроении. Слишком прекрасном. Таким настроением люди обычно светятся либо перед отпуском, либо перед тем, как сдать тебя на осмотр родственникам.

— Нервничаешь? — спросил он, пока мы ехали.

— Немного.

— Да не переживай. Мама у меня добрая.

Добрая.

Какое опасное слово.

Самые страшные люди в жизни женщины часто описываются словом добрая.

Она добрая, просто прямолинейная.

Она добрая, просто переживает.

Она добрая, просто у неё характер.

Обычно после этого тебя морально разделявают, как селёдку, а потом говорят, что это всё из любви.

— Она задаёт много вопросов? — спросила я.

— Ну бывает.

— Каких?

— Разных.

— Очень успокаивает.

Он улыбнулся и положил ладонь на моё колено.

— Лер, правда. Просто будь собой.

Это чудовищный совет.

Будь собой — самое бесполезное, что можно сказать человеку, которого везут на допрос к матери мужчины.

Кто именно я должна была быть?

Собой обычной?

Собой вежливой?

Собой, которая хочет понравиться?

Или собой, которая после селфи с утюгом уже начала задавать вопросы к этой семье?

Мы подъехали к дому. Обычная многоэтажка. Ничего зловещего. Подъезд чистый. На подоконнике стояли цветы в горшках. На стене висело объявление не кормить голубей.

Всё выглядело мирно.

Это тоже должно было меня насторожить. Самые сильные формы безумия часто живут в квартирах с кружевными занавесками.

Мы поднялись на четвёртый этаж.

Артём нажал на звонок.

Из-за двери сразу послышались быстрые шаги. Не шаги человека, который спокойно идёт открыть. Нет. Это был звук женщины, которая уже десять минут стояла в коридоре, подслушивала и в последний момент решила сделать вид, что просто мимо проходила.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла она.

Мама.

Наталья Павловна.

На ней был халат. Тот самый тип халата, который вроде домашний, но надет так уверенно, как будто это официальный мундир власти. Волосы уложены. Губы подкрашены. Взгляд острый. В одной руке блокнот. В другой — ручка.

Да.

Блокнот.

И ручка.

Я сначала подумала, что она что-то записывала до нашего прихода. Список продуктов. План уборки. Идеи, как испортить чужую самооценку.

Но потом она посмотрела на меня с тем вниманием, с каким обычно оценивают лошадь перед покупкой, и я поняла:

нет, это для меня.

— Лерочка? — сказала она с натянутой теплотой.

— Здравствуйте.

— Проходи, проходи. Ну наконец-то.

Наконец-то прозвучало так, будто она ждала меня не неделю, а со времён перестройки.

Я вошла в квартиру.

Запах был насыщенный. Смесь пирога, духов, полироли для мебели и контроля.

Именно контроля. Не знаю, как он пахнет физически, но у неё дома он был в воздухе.

В коридоре всё стояло идеально ровно. Тапочки по линейке. Полка для обуви без единой пылинки. На стене фотографии Артёма в разных возрастах — младенец, первоклассник, подросток, выпускник, взрослый Артём. Казалось, если пройти дальше, можно найти и снимок его первого УЗИ в рамке.

— Это тебе, — сказала я, протягивая пирог.

Она взяла коробку, взвесила в руке и кивнула.

— Домашний?

— Нет, из кондитерской.

— А-а.

Всего одно а-а.

Но в нём уже было записано: Жаль. Не умеет. Лентяйка. Записать.

Она действительно опустила взгляд в блокнот и что-то черкнула.

Я решила, что мне показалось.

Очень хотелось, чтобы мне показалось.

— Разувайся, — сказала она. — У нас ковры.

Как будто я могла войти в ботинках на ковёр и запустить этим цепную реакцию семейного позора.

Я сняла обувь. Она посмотрела на мои носки.

Да. Даже на носки.

Клянусь, если бы у меня на них были дырки, она бы вызвала социальные службы.

Из комнаты уже доносился голос телевизора, но как только мы вошли, он тут же стих. Видимо, был выключен заранее, чтобы ничего не отвлекало от допроса.

На столе стояли чайник, чашки, пирог, вазочка с конфетами и ощущение, что сейчас мне предложат не чай, а доказать свою пригодность к жизни.

Наталья Павловна жестом показала на стул.

— Садись, Лерочка.

Сама она села напротив.

Не рядом.

Не по-домашнему.

Напротив.

И открыла блокнот.

Я медленно села.

Артём устроился сбоку с выражением счастливого школьника, который привёл маме поделку и ждёт похвалы.

— Ну рассказывай, — сказала Наталья Павловна. — Кто ты, откуда, чем дышишь.

Кто ты, откуда, чем дышишь.

Начало было многообещающее.

Я улыбнулась вежливо.

— Я Лера. Работаю в редакции

Она подняла ладонь.

— Подожди. Давай по порядку.

И посмотрела в блокнот.

Вот тогда я окончательно поняла, что это не знакомство.

Это анкета.

— Возраст? — спросила она.

Я ответила.

— Родители вместе?

— Нет.

Она коротко кивнула и что-то записала.

— Почему?

Я растерялась.

— В смысле давно развелись.

— Я поняла, что развелись. Я спрашиваю — почему.

Я посмотрела на Артёма.

Он пил чай.

Просто пил чай.

Сидел и пил чай так спокойно, будто его мама не выясняла причину развода моих родителей на шестой секунде знакомства.

— Не сошлись характерами, — сказала я.

Наталья Павловна хмыкнула так, будто это был слишком поверхностный ответ для её научного интереса.

— Понятно. А ты сама характером в кого?

Я открыла рот.

Закрыла.

Потом всё-таки ответила:

— Думаю, в маму.

— Упрямая?

— Скорее самостоятельная.

— Это сейчас так называется? — улыбнулась она.

Артём тихо засмеялся.

Я тоже улыбнулась. Потому что если в этот момент не улыбаться, можно встать и уйти. А я тогда ещё не была готова к здоровым решениям.

Она налила мне чай. Смотрела при этом так, будто даже по тому, как я возьму чашку, можно определить пригодность к браку.

— Сахар?

— Нет, спасибо.

— На диете?

— Нет, просто не люблю сладкий чай.

Она снова что-то записала.

Я уже не могла притворяться, что блокнот мне мерещится.

— А вы правда записываете? — спросила я, стараясь звучать легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.